

А. М. ЩЕРБАК

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Наиболее существенный разграничительный признак вариантов аффикса родительного падежа в тюркских языках — наличие или отсутствие начального *n*, ср. азерб. *atın* (*at-ın*), караимск. *atnîn* (*at-nîn*), узб. *atniñ* (*at-niñ*) «лошади»¹.

Вопрос о соотношении вариантов с *n* и без *n*, представляющий определенный научный интерес, до сих пор остается открытым, хотя изучением его занимались тюркологи нескольких поколений.

О. Бётлингк, считавший вариант без начального *n* более древним, объяснял появление *n* тем, что в древнетюркском языке именные основы оканчивались на *n* чаще, чем в современных языках, и что этот *n* в результате переразложения был отнесен к аффиксу². Эту точку зрения разделяет в одной из своих ранних работ В. Банг (*аслан-иң* → *асла-ниң*)³. Основной довод О. Бётлингка вызвал возражения со стороны В. В. Радлова, отметившего, что в древнетюркском языке именных основ на *n* было не больше, чем в современных языках⁴. Тем не менее, В. В. Радлов поддержал тезис о появлении начального *n* в аффиксе родительного падежа вследствие переразложения («durch falsche Trennung»), сопроводив его своим объяснением. Переразложение, по мнению В. В. Радлова, имело место до того, как аффикс родительного падежа стал вообще присоединяться к именным основам. Вначале он употреблялся только с личными и указательными местоимениями и именно в местоименных формах в восточных и западных диалектах происходило «falsche Trennung»: *а-ниң*, *бу-ниң* [поэтому в основном (именительном) падеже множественного числа — *о-лар*, *а-лар*, *бу-лар*], тогда как в средних диалектах морфологические границы воспринимались в соответствии с действительным положением вещей: *ан-иң*, *бун-иң* (поэтому

¹ О происхождении аффикса притяжательного падежа см.: В. L a u f e r, Zur Entstehung des Genitivs der altaischen Sprachen, KSz, II, 1901, стр. 133—138; В. M u n k á c s i, [рец. на кн.:] W. Bang, Vom Köktürkischen zum Osmanischen. 1, KSz, XVIII, 1918/19, стр. 138.

² О. В ö h l i n g k, Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik..., «Bull. de la Classe historique, philologique et politique de l'Académie Imp. des sciences de St.-Petersbourg», V, 21, 1848, стр. 14—15 (отд. оттиск).

³ W. B a n g, Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen, I, «Wiener Zeitschr. für Kunde des Morgenlandes», IX, 1895, стр. 271; е г о ж е, Zum auslautenden *n* im Altaischen, «Toung Pao», VI, 1895, стр. 216—221.

⁴ W. R a d l o f f, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, N. F., СПб., 1897, стр. 61; е г о ж е, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk-sprachen, «Зап. Им. Акад. наук», VIII серия, 1906, VII, 7, стр. 31, 32. В поддержку довода О. Бётлингка, против возражения В. В. Радлова, выступил В. Котвич, который, однако, не привел убедительных примеров, свидетельствующих о широком использовании так называемого номинального *n* в древнетюркском языке (см.: W. K o t w i c z, Contributions aux études altaïques, RO, XII, 1936, стр. 132—142, особенно 139—140).

в основном падеже множественного числа — *ан-лар, бун-лар*). Затем сфера функционирования обеих разновидностей расширилась и охватила именные основы. Приблизительно к такому же выводу пришли позднее В. Банг⁵ и В. А. Богородицкий⁶, причем первый из них изложил свои взгляды на происхождение разновидностей с начальным *н* в виде гипотезы о существовании в тюркском праязыке двух типов склонения, местоименного и именного, и о влиянии одного из них на другой. Большую древность варианта без *н* первоначально признавал также Ж. Дени, который относил *н* к числу вставочных согласных⁷. Противоположная точка зрения — относительно изначальности полного варианта и последующего выпадения *н* — была высказана К. Грэнбеком, предложившим оригинальную этимологию аффикса родительного падежа (< *нāң* «вещь; нечто»)⁸, впоследствии дополненную Н. А. Баскаковым (< *нэңэ || дэңэ || тэңэ || нэмэ || нэ* «что» < «вещь» < «владение» < «сущность» < «тело»)⁹.

Наличие или отсутствие начального *н* является также разграничительным признаком вариантов аффикса винительного падежа: азерб. *amī* (*am-ī*), караимск. *amī* (*am-nī*), узб. *amī* (*am-nī*) «лошадь».

И в этом случае мнение большинства тюркологов таково, что вариант с *н* относительно поздний и что в появлении его важную роль сыграли именные основы на *н*¹⁰ или местоименные формы. Так, согласно предположению В. В. Радлова, личные местоимения 1 и 2-го лица единственного числа в древнетюркском языке имели две разновидности: *mā* (*bā*), *sā* и *māni*, *sāni*. Последняя, как полагал он, очень рано стала функционировать в качестве формы винительного падежа, благодаря чему выделился аффикс *-ni* с соответствующим значением и образовались по аналогии формы *bunī*, *amī*. В дальнейшем в значении основного (именительного) падежа (у В. В. Радлова: «*Casus indefinitus*») выступают *mān*, *sān*, за формами же с конечным гласным закрепляется функция винительного падежа. Выделение варианта *-i* и присоединение его к именам происходило в южных диалектах, тогда как в восточных и западных сохранилось первоначальное (?) восприятие, т. е. *mā-ni*, *sā-ni*, *a-nī*, *bu-nī*, и к именам присоединялся аффикс *-nī* ~ *-ni*¹¹. П. М. Мелиоранский, В. Банг и другие тюркологи определяли участие личных местоимений в образовании варианта аффикса винительного падежа с начальным *н* несколько иначе: *māni*, *sāni* — древнейшие формы винительного падежа на *-i*, в которых в результате переразложения *н* был отнесен к

⁵ W. B a n g, Vom Köktürkischen zum Osmanischen, Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen, Berlin, 1917, стр. 5, 6, 12.

⁶ В. А. Б о г о р о д и ц к и й, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, 2-е изд., Казань, 1953, стр. 152.

⁷ J. D e n y, Grammaire de la langue turque, Paris, 1921, стр. 171, 175. В связи с этим В. А. Богородицкий заметил, что для вставки в данном случае нет необходимых фонетических условий (см. «Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах», «Вестник научного общества татароведения», 3, Казань, 1925, примеч. 2 к стр. 13).

⁸ К. G r e n b e c k, Der türkische Sprachbau, I, Kopenhagen, 1936, стр. 107. Позднее к этой точке зрения присоединился Ж. Дени (J. D e n y, Structure de la langue turque, «Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris», IX, année 1949, Paris, 1950, стр. 31). Напомним, что В. Шотт сопоставлял аффикс *-niң* с маньчжурской частью (относительным местоимением?) *ninggə* (W. S c h o t t, Versuch über die tatarischen Sprachen, Berlin, 1836, стр. 53).

⁹ Н. А. Б а с к а к о в, О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», М., 1952, стр. 135, 137.

¹⁰ См.: O. B ö h t l i n g, Über die Sprache der Jakuten, St.-Pb., 1851, стр. 160.

¹¹ W. R a d l o f f, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, N. F., стр. 78. В более поздней работе В. В. Радлов говорит о причине появления *н* в *-ni* ~ *-ni* то же самое, что и относительно *н* в аффиксе родительного падежа (см.: W. R a d l o f f, Einleitende Gedanken..., стр. 32).

аффиксу¹². Р. Шоу, в отличие от упомянутых тюркологов, возводил аффикс *-ні* к слову *нә* «вещь» и таким образом считал вариант с *н* первичным¹³.

II. Сопоставление различных точек зрения и анализ фактов, привлекавшихся для их обоснования, не оставляют сомнений в том, что начальный *н* в аффиксах родительного и винительного падежей вторичен. Что же касается изложенных выше гипотез о его происхождении, то они, на наш взгляд, недостаточно обоснованы. Нет доказательств того, что в древнетюркском языке было большое количество имен, оканчивавшихся на *н*, и что впоследствии оно заметно сократилось. Ничто не свидетельствует также о ведущей роли склонения местоимений в процессе формирования падежной парадигмы, причем возможность переразложения местоименных форм *мәни* (*мә-ни* вместо *мән-и*) маловероятна: эти формы соотносились не с *мә*, а с *мән*, так как нельзя было отождествить *мә* с каким-либо значимым элементом. Если все же допустить возможность подобного переразложения и выделения аффиксов *-ниң*, *-ни*, с последующей унификацией на этой основе падежных форм всех имен, то придется столкнуться с другим препятствием, заключающимся в ничем не мотивированной избирательности действия аналогии. Например, в азербайджанском языке в притяжательном склонении аффиксы родительного и винительного падежей начинаются с *н*, в простом склонении основ с конечным согласным *н* отсутствует, ср.

	Азерб.	Караимск.
род.	<i>атинин</i> «его лошади»	<i>атинин</i>
вин.	<i>атини</i> «его лошадь»	<i>атин (и)</i>
род.	<i>атин</i> «лошади»	<i>атнин</i>
вин.	<i>ати</i> «лошадь»	<i>атни</i>

Чтобы найти путь к раскрытию истинной причины появления начального *н* в аффиксах родительного и винительного падежей, необходимо тщательно обследовать обе падежные парадигмы, простую и притяжательную. Первое, что бросается в глаза в ходе предварительных разысканий — присутствие *н* в формах локативных падежей притяжательного склонения, т. е. в тех падежных формах, которые не обнаруживают его в простом склонении, ср. ст.-узб. *ташинда* «его камню», *ташинда* «на его камне», *ташиндин* «от его камня».

Какой же вывод следует из этого?

В. А. Богородицкий, первым обративший внимание на указанный выше параллелизм, дал ему довольно убедительное объяснение: «...корневое *н* личных местоимений, сохраняющееся перед окончанием в местн. и исх., распространилось путем аналогии на членное притяжательное склонение 3-го лица, получившее также *н* перед окончаниями названных падежей»¹⁴.

Мы предлагаем иное толкование, отправным пунктом которого является предположение об исконной связи *н* с притяжательной парадигмой, точнее с формой принадлежности 3-го лица, и о существовании в истории тюркских языков такой ситуации, когда притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое, когда склонение многих слов, например, терминов родства, названий частей тела, названий любых предметов, относящихся к другим предметам как часть к целому и т. д., было исключительно притяжательным. Особое положение притяжательной парадигмы

¹² См.: П. М. Мелноранский. Памятник в честь Кюль Тегина, ЗВО РАО, XII, 2—3 (1899), 1900, стр. 28; W. V a n g, Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, стр. 14; K. G g ö n b e s h, указ. соч., стр. 32; В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание..., стр. 155, 156.

¹³ R. V. S h a w, A sketch of the Turki language as spoken in Eastern Turkistan, pt. I, Lahore, 1875, стр. 12.

¹⁴ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание..., стр. 153.

способствовало «проникновению» *n* в падежные формы простого (непритяжательного) склонения: по аналогии начальный *n* стал употребляться в аффиксах родительного и винительного падежей, сначала — после основ на гласный (ср. *ташһиң* «его камня», *баланиң* «ребенка»), а позднее — после любых основ, во всех тюркских языках, кроме огузских и чувашского.

Назовем некоторые факты, свидетельствующие в пользу предложенного толкования. Прежде всего следует отметить употребление формы основного падежа с аффиксом принадлежности 3-го лица в значении простой (непритяжательной) формы: гаг. *бурну* «нос», *бојну* «шея»¹⁵; долган. *мунну* «нос»¹⁶; туркм. *бэјни* «мозг»; хакас. *ахси* «рот», *иңни* «плечо», *ибі* «юрта», *чилни* «грива», *көккө* «грудь», *өдди* «желчь», *хиби* «подкладка»¹⁷; шор. *эрди* «губа». В чувашском языке известны случаи, когда локативные формы притяжательного склонения выражают значения простых (непритяжательных) локативных форм¹⁸: *пӗт* «лицо», *пӗтӳнчӗ* «на лице», *пӗтӳнчӗн* «от лица», *лашана* «лошади», *әнӗнӗ* «корове». В якутском языке простая форма исходного падежа от основ на гласный является по происхождению притяжательной, ср. *ојуртан* «из лесу», *бөрөттөн* «от волка», *киһэттэн* «с вечера» (*n* подвергся ассимиляции)¹⁹.

III. Объясная появление *n* в непритяжательных формах родительного и винительного падежей влиянием притяжательного склонения, естественно, следует ответить на вопрос о том, что представлял собой *n* в притяжательном склонении.

В настоящее время почти единодушно высказывается мнение, что аффиксы принадлежности в тюркских языках восходят к предикативным показателям, а эти последние — к личным и лично-указательным местоимениям. В отношении 1 и 2-го лица справедливость его настолько очевидна, что нет необходимости приводить какие-либо аргументы. Иначе обстоит дело с 3-им лицом. В древнетюркском языке функции предикативного показателя 3-го лица выполняло лично-указательное местоимение *ол*: *ол эвэй бармиш ол* «он отправился домой» (МК I 38), *ол таварин сатыл ол* «он намерен продать его имущество» (МК II 297), *ол тарыз тартыган ол* «он посеял посев» (МК II 319). Будучи первоначально указательным, местоимение *ол* заняло место в одном ряду с местоимениями *мэн* «я» и *сэн* «ты» довольно поздно и не получило широкого распространения в служебном использовании, как предикативный показатель. Поэтому пытаются возвести к нему аффикс принадлежности 3-го лица, подобно тому как аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа *-м* возводится к местоимению *мэн* «я», не имеет смысла. Очевидно, существовал другой прототип, использовавшийся значительно шире и входивший в разряд личных местоимений на уровне праязыка или протоязыка.

¹⁵ См.: Л. А. Покровская, Гагаузский язык, «Языки народов СССР», II, М., 1966, стр. 117.

¹⁶ См.: Е. И. Убрятова, Служебное слово *киэнэ* в якутском языке, сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 291.

¹⁷ См.: Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков, Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов, Абакан, 1954, стр. 99; Н. Г. Доможаков, О некоторых особенностях сагайского и хаасского (начинского) диалектов, «Зап. [Хакасского НИИЯЛИ]», IV, Абакан, 1956, стр. 68; Ф. Г. Исхаков, Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* в словах *аст*, *уст*, *алд*, *арт* и т. п., сб. «Академику В. А. Гордлевскому...», стр. 125, 126.

¹⁸ См.: J. Benzing, Tschuwaschische Forschungen (I), Das Possessivsuffix der dritten Person, ZDMG, 94, 2, 1940, стр. 255; е го же, Tschuwaschische Forschungen (IV), Die Kasus, ZDMG, 96, 3, 1942, стр. 462.

¹⁹ См.: Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, ч. I, Якутск, 1947, стр. 110. Ср.: W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen, «Записки Имп. Акад. наук», VIII серия, 1908, VIII, 7, стр. 31; С. В. Яс-т е м с к и й. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 52.

В древних и современных тюркских языках встречаются наречия и прилагательные, образованные от лично-указательного местоимения *in ~ **in*²⁰, ср.: др.-тюрк. *inča* ~ *inčā* «так, таким образом», *ināru* «туда», *in-čün* «так, таким образом», *indün* ~ *indün* «другой, противоположный», кирг. *nar* ~ *narī* «тот, находящийся по ту сторону»; тув. *indī* «та, другая сторона», *inār* «туда», *inda* «там», *indib* «такой», *inča* «столько, так»; якут. *innā* «туда, там»²¹. К этому местоимению и восходит аффикс принадлежности 3-го лица, праформа которого таким образом должна быть реконструирована с конечным *n*, на что указывали многие тюркологи²² и что подтверждается материалами разных тюркских языков, ср.: др.-тюрк. *urī obün kü boltı silik kiz obün küñ boltı* «его сыновья стали рабами, а его целомудренные дочери — рабынями» (КТб₇), *казанin birläй Суңа јишда сөнүшдүм* «с их каганом я сразился в Сунгайской черни» (БК₂₇), *аниң көңүлүн ичрә* «в его сердце» (Ман. III 22₆). «Форма с *-n* часто встречается в туркменском фольклоре и в классической литературе»²³. В якутском языке аффикс принадлежности 3-го лица с конечным *n* сохранился в многочисленной изафетной конструкции²⁴, ср. *min атабim суола* «след моей ноги», *kini атабin суола* «след ноги человека»²⁵.

Итак, мы рассматриваем начальный *n* в аффиксах родительного и вительного падежей простого и притяжательного склонения и так называемый вставочный *n* в аффиксах локативных падежей притяжательного склонения как составную часть аффикса принадлежности 3-го лица, восходящего к лично-указательному местоимению *in ~ *in.

²⁰ См.: O. Böhtlingk, Über die Sprache der Jakuten (Wörterbuch), стр. 36.

²¹ Выполнение местоимением *in ~ *in функций предикативного показателя 3-го лица не отразилось в текстах, что объясняется ранней изоляцией формы 3-го лица от предикативных форм 1-го и 2-го лица. В современных тюркских языках предикативные показатели 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа восходят к личным местоимениям, предикативный показатель 3-го лица — к вспомогательному глаголу *тур* (*туруп* ~ *тур* ~ *-m*).

²² См.: Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 65; е. о же, Категория принадлежности, ИСГТЯ, II, М., 1956, стр. 33; А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 49; В. М. Насилов, Язык орхоно-енисейских памятников, М., 1960, стр. 32, 33; Г. Бакниова, Киргизский говор Октябрьского района. Автореф. канд. диссерт., Фрунзе, 1953, стр. 11; К. Каримов, Категория падежа в языке «Кутадгу билиг», Автореф. канд. диссерт., Ташкент, 1962, стр. 13.

²³ «Грамматика туркменского языка», ч. I. Ашхабад, 1970, стр. 95.

²⁴ По вопросу о происхождении элемента *-in* в многочисленной изафетной конструкции якутского языка нет единого мнения. С. В. Ястремский видел в нем аффикс родительного падежа (см. его «Грамматика якутского языка», стр. 87). К. Шрифль, справедливо указывавший С. В. Ястремскому на невозможность отражения в якутском языке общетюркского *n* в *n*, считал *-in* показателем инструментального падежа (K. Schriebl, Der «Genitiv» im Jakutischen und Verwandtes, KSz, XIII, 1912/13, стр. 313). Однако употребление формы инструментального падежа в изафетной конструкции ничем не мотивировано.

²⁵ См.: Е. И. Убрятова, Исследования по синтаксису якутского языка, М.—Л., 1950, стр. 42.